

Литературная СТРАНИЦА

● Моя земля

— мое

отчество

УТРО ТУМАННОЕ...

Фотоэпюд В. ШТУНДЮКА.

◆ На поэтической волне

ДВЕ МОНЕТЫ

(басня)

Теплом взаимной дружбы
не согреты,
Лежали в кассе рядом
две монеты:
Рубль золотой
И рубль простой.
«Как?! — злился золотой. —
Бок о бок быть с тобой?!
Мне это не пристало!
Я новенький!
Из благородного металла!
Как жар горю! А ты помят,
с шербинкой, грязноват...
«Не диво, что помят:
уже служу полвека, —
сказал простой. — А что
шербинка, так сдержал
преступника кинжал
И спас от смерти трудового
человека.
Доволен я планидой своей:
Бываю более в руках
простых людей.
Трудяги-работяги! Зачастую,
Им за работой не до чистоты,
Зато они в делах своих чисты».
«Я проклял бы судьбу такую! —
Воскликнул золотой. —
Еще чего — водиться
с голытьбой!
Вот я вчера попал к банкиру...

Он взял меня такой
Обворожительно холеной
рукой...
«Ты слеп! — прервал простой.
— Банкир подстать вампиру!
Прибрал к своим рукам
едва ль не полказны...
Холены его руки, да дела
грязны, —
И хвастуну задорно:
— Кому ж из нас соседом
быть зазорно?»

Л. ШИЛКОВ.
с. Чеботариха.

ГЕННАДИЙ ПАСЬКО.

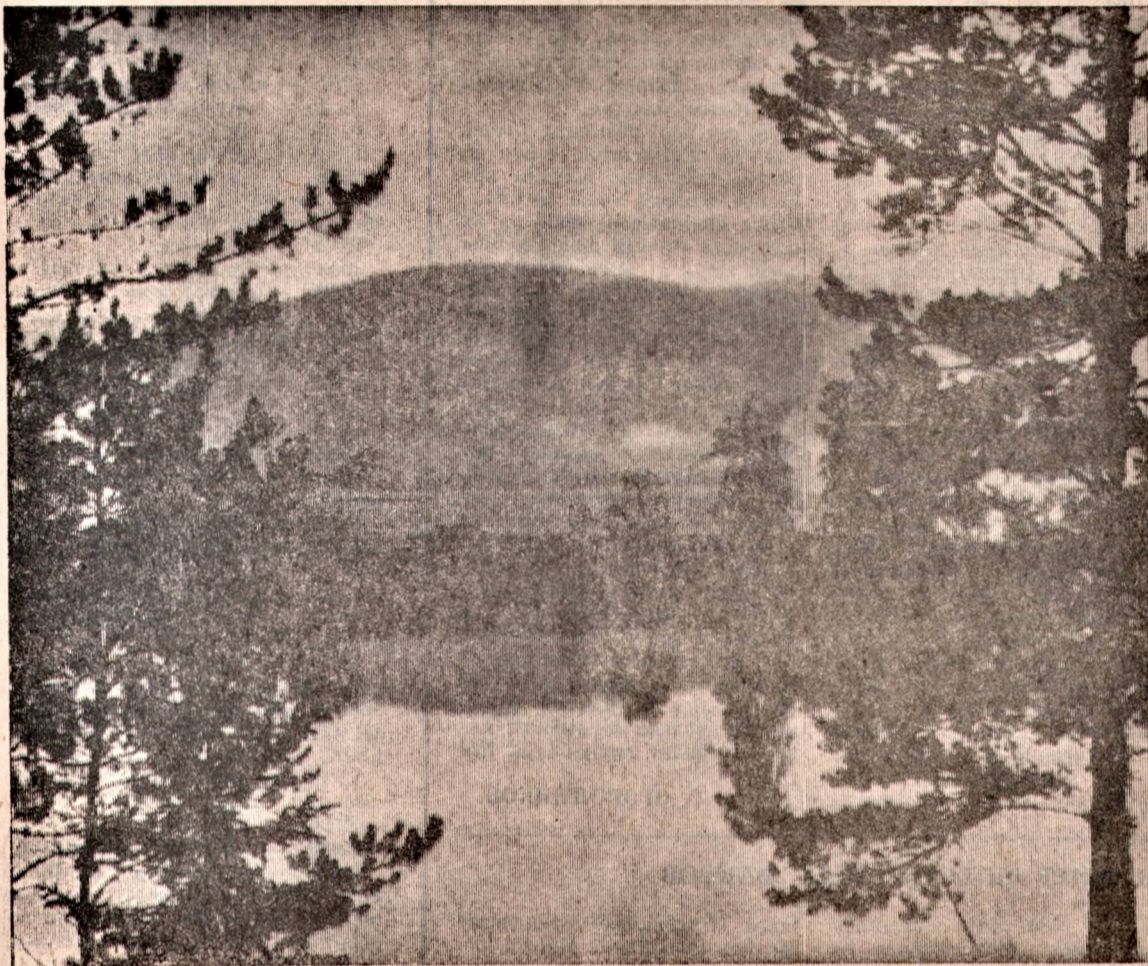
БУДУ ЖИТЬ

Покуда буду воевать, —
Держать, дерзить.
Покуда буду сознавать:
Прощать, любить...
Покуда буду продолжать
Стихи творить,
Я буду петь, не унывать. —
Я БУДУ ЖИТЬ!

В. ПАНКИН.

ВСТРЕЧА

Вот и все! Лишь две минуты
счастье:
Две минуты радость, и уйду.
После — пустота, в душе —
ненастье,
Или жди какую-то беду...

ДЕД СЕРАФИМ, как его называли в округе, с молодости был мужиком «дьябелым». Так он говаривал о себе в кругу сверстников, таких же замшелых, как он, стариков. Это имя прилипло к нему давно, по сокращенной его же фамилии, а по паспорту он — Степан. В действительности, давно разменяв во своей десятке лет, Степан был уже слаб и немощен. Смолоду, не приняв советской власти, он остался в измерениях жизни прошлой и душой, и телом. Любых артефактов сторонился, заявляя во всеуслышание: «Это не про меня, трудиться на чертову матку не собираюсь!».

Веровал в бога из боязни. Но грешил чаще, чем крестился, шепча скороговоркой: «Прости ты, господи, душу мою грешную». А следом мог выдать под горячую руку такой мат, что не всякий и выдерживал... Обладая недюжинной силой, ворочал он, что добрая лошадь на своем подворье. Ведя небольшое хозяйство, исправно уплачивал налоги как одиноличник. А летом обычно занимался рубить дома.

Рубил он один, иногда привлекая свою жену для непутящей помощи. Ну, а в зимние холода портняжил, обшивая клиентов шубами и дохами. Жили они с женой по тем временам безбедно, имея и на черный день кое-что про запас. Жену взял он из вдов-солдаток. Своих детей так и не завел, а вот с пасынком и падчерицей у него был полный разрыв, из-за его редкой жадности и скверного характера.

ШЛИ ГОДЫ. Незаметно с молодостью ушла и сила, наградив деда Серафима скверной болезнью, о которой в народе говорят: «Ни себе посмотреть, ни врачу показать». И мучил его тот треклятый геморрой с каждым годом все хлеще, порой хоть в петлю лезь. Работы по хозяйству стала в тяготу. Сказывалось и скудное питание. Ведь хорошие заработки давно кон-

чились, и перебивались старики на скромную помощь райсобеса. Та же советская власть, на которую он плевал в молодости с высокого забора, назначила ему минимальную пенсию. Правда, с мью выручала и коровенка, по возрасту, наверняка, со времен гражданской войны. Но и выматывала последний дух из деда при заготовке кормов. К пастуху ее не выгоняли. Сам дед гонял ее на окраину поселка, где и выпасал, избегая лишних расходов. Жилось им со старухой теперь несладко, но, что поделаешь: не ложиться же живьем в землю без божьего позволения.

АВГУСТ В ТОМ году удался сухим и жарким. Солнце, не бало вавшее с весны, наверстывало упущенное, нещадно пали. В такое время особо трудно было переносить болезнь, мучавшую деда Серафима.

И в этот день он, как обычно ковыляя, прогнал проулками свою буренку на зады поселка. Буренка стала щипать траву, отмахиваясь хвостом от надоедливых мух, а Серафим, кряхтя, осторожно примостился на чурбан у кучи мусора. Оглядевшись, он вдруг, при метил невдалеке от себя лежавший среди травы белый клочок ваты, серебрившийся в солнечных отблесках. Подковыляв, пощупал рукой: мягкая и чисто белая.

— Ну что ж, пригодится на потребу, — прошамкал про себя. Он и не обратил внимания, что трава под ватой сгорела, как от костра... На эту, как называл он, «потребу», уходили все ненужные мягкие вещи, дабы не раздражали воспаленные места при применении...

ГДЕ-ТО ПО ПОЛУДНЮ, погнав коровенку домой, прихватил он этот клочок ваты и аккуратно

положил в туалете. А когда применил принесенную вату «на пот ребу», взревел, как разъяренный бык от жгучей, нестерпимой боли. Ветхий туалетик заходил ходуном, грозясь развалиться на части. Через секунду выкатился из него дед Серафим, держа одной рукой спущенные штаны, другой — пытаясь прикрыть больное место. Собрав в брани всех богов и чертей, вприпрыжку ринулся к корыту с водой. Не переставая бранить весь белый свет, присел на корточки, пытаясь унять жгучую боль.

◆ Юмореска

Где же было знать деду Серафиму, что злополучная вата была обычная стекловата, из аккумуляторной батареи, сохранившая на себе кристаллы серной кислоты. Глаза его были уже подслеповаты, а пальцами он спокойно брал горящие угли. Так что определить, что это за вата, он не мог.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ деда Серафима на этом не кончились. Выхлестнув корыто воды, боли он так и не утолил и, чертыхаясь, пошел в дом, где переключил весь гнев на подвернувшуюся не вовремя старуху.

Перебранка шла долго, с перерывами, пока старуха убежала за очередным средством дедовского самолечения. Врачам дед не доверял никогда, считая их всех вредителями. Главными его лекарствами были березовый деготь, скипидар да собственная моча. Но что бы ни перепробовал он, боль на этот раз не проходила.

К вечеру вспомнил дед совет своего ровесника с соседней улицы, такого же дремучего, как и его фамилия, то ли Пняка, то ли

Деревяка. Тогда он заподозрил в его словах подвох, а теперь ухватился за рецепт, как за спасительную соломинку. А тот советовал, шамкая беззубым ртом: «Ты, Ше рафимушка, эту погань — чесноком, чесноком, натри и приклади, увидишь, как рукой снимет».

ОТ НОВОГО задания приготовить чеснок, старуху бросило в жар. Но она молча привернула к столу мясорубку и мигом накрутила мисочку кашицы. Расстелив кусок холста на полу, вывалил дед Серафим на него кашкицу и, ухватившись за спинку кровати, стал усаживаться прямо в кашкицу. Но, едва коснувшись ее, взревел тошней, чем в туалете... Пытаясь вскочить, расслабил руки и плюхнулся задом на пол. Одна из опухолей от резкого нажима всем грузным телом деда лопнула...

Дед Серафим, потеряв от боли сознание, с глухим стоном вытянулся на полу. Старуха с перепугу выскочила в слезах на улицу и, путаясь в переднике, заковыляла через дорогу к соседке.

Глотая слезы, кое-как пояснила ей о происшедшем, не переставая канючить о том, что дед Серафим, наверняка, уже отдал богу душу.

Соседка, женщина рассудительная, в годах, испытывавшая на себе эту болезнь, успокоила старуху, почти приказав ей: «Иди и готовь горячую воду. Я сейчас».

Старуха, как колобок, перекадилась через дорогу и нашла деда живым, только стонущим от боли.

Соседка явилась со своим запасом лекарств. Из чугуна мигом налила в огромный эмалированный таз теплой воды, насыпала в нее из пузырька марганцовки. Уже

неспротивляющегося деда усадили они задом в приготовленный раствор, а сами ушли в другую комнату. Дед постонал, постонал, да и замолк. Сидел долго, пока вода не стала холодной. А потом миролюбиво попросил женщины помочь взобраться на кровать. Приготовив томпон с мазью, соседка шутя обратилась к старухе: «На, баба, приклади деду на болячки. Эта мазь — от ста болезней, даже от брюшного тифа и столбняка».

Оставив старухе горку лекарств, строго-настрого наказала, что и как в каком количестве использовать. А среди лекарств были присыпка и какие-то свечи, несколько образцов мази, марганцовка, бинты, вата и таблетки.

НА УТРО СО СТАРУХОЙ дед в обращении был как шелковый: «Спасли вы меня, бабулька, с соседкой, я уж, грешным делом, подумал, что конец мне пришел и начался суд господний за грехи мои».

Пролежал дед в постели, строго исполняя указания соседки, около двух недель, только и переживал за корову, которую пастух почти силой забрал в стадо, прикрикнув на старуху:

— Я ж вам, одуванчики облетелые, весной говорил, что буду пасти и денег не возьму, а вы — все свое!

ОПРАВЛИВШИСЬ от болезни, дед Серафим впервые в жизни поверил в силу лекарств и медицины. Перво-наперво сходил и отблагодарил соседку, как своего главного спасителя. А встретив своего друга, советовавшего лечиться чесноком, произнес такую пространную речь, что тот должно обходил деда Серафима стороной.

ВОТ ТАК, кажется, навсегда и закончились злоключения деда Серафима от самолечения. Излечился...

А. МАСЛОБОВ,
с. Каразей,